

Шэнь Юань замер.

Он уставился на человека, пристроившегося у его кровати, и его мысли начали медленно ворочаться в голове.

Прошлой вечностью. Температура. Он отправил сообщение.

А потом... потом этот человек приехал.

Он помнил, как открыл дверь, помнил ватные ноги, помнил, как его подхватили на руки.

Всё, что было дальше, расплывалось в тумане. Смутно помнилось что-то прохладное на лбу, казалось, кто-то неотлучно находился рядом, помнилось, как он сам сжимал чью-то теплую и очень сухую ладонь, а та рука так и не высвободилась.

Шэнь Юань опустил взгляд на собственную руку.

Ладонь была пуста, но между пальцами, казалось, еще жило какое-то осязательное воспоминание.

Он посмотрел на прикорнувшего рядом Сицзэ, и сердце его словно кто-то легонько сжал — в груди защипало и защемило, а чувство было такое, что и не описать словами.

Утренний свет пробивался сквозь щель между шторами и падал как раз на макушку Сицзэ.

Обычно его волосы были безупречно зачесаны волосок к волоску, создавая образ человека гордого и холодного.

Но сейчас они растрепались: прядь упала на лоб, прикрывая его добрую половину, а несколько волосков забавно топорщились — примятые во сне.

Солнечные лучи играли в его прядях, просвечивая сквозь темно-золотые волосы, и края их окутывал едва заметный ореол, точь-в-точь как волосы ангелов на витражах в старых церквях.

Шэнь Юань никогда бы не подумал, что мужские волосы могут выглядеть так красиво.

Нет, не так.

Он вообще никогда не считал, что в ком-то может быть столько прекрасного.

Спящий Сицзэ Лестер не казался отстраненным и холодным, как в обычные дни, и не выглядел так, от чего сердце начинало бешено колотиться в моменты его нежности.

Он был похож на картину. На картину, которую Шэнь Юаню отчаянно хотелось перенести на холст.

Шэнь Юань так и лежал на боку, беззвучно любуясь им, долгие-долгие мгновения.

Сердце, поначалу бившееся неторопливо, шаг за шагом ускоряло ход, пока не зачастило настолько, что в ушах зазвучал гул.

Он никогда прежде не испытывал ничего подобного.

Это было нечто более глубокое, более весомое.

Это была привязанность.

Та самая привязанность из разряда «если этот человек исчезнет из моей жизни, мне станет страшно», та самая привязанность, с которой думаешь: «пока он рядом, бояться нечего».

Шэнь Юань так долго жил один в чужой стране и никогда ни к кому не привязывался. Он знал, что привязанность — штука опасная, ведь она означает, что ты добровольно обнажаешь свое уязвимое место, что когда этот человек уйдет, падать будет невероятно больно.

Именно поэтому он никогда не позволял себе привязываться к людям.

Но сейчас, глядя на уснувшего у его постели мужчину, глядя на то, как тот из заботы о нем просидел всю ночь скрючившись в неудобном кресле, глядя на те самые руки, которыми обычно подписывают важные бумаги и которые сейчас безвольно свисали всего в нескольких сантиметрах от пола —

Он понял, что пропал.

Привязанность не выбирают: она не приходит по заказу и не исчезает по желанию.

Уж если она нагрянула, то нагрянула.

Шэнь Юань уткнулся лицом в подушку, а глаза защипало.

И вовсе не от грусти — просто внутри всё переполняло, так переполняло, что не вмещалось в груди.

Сицзэ шевельнулся.

Его ресницы дрогнули, и он медленно открыл глаза.

Сонный серо-голубой взгляд поначалу был слегка затуманенным, словно он еще не до конца вынырнул из сна.

Он моргнул пару раз, зрение постепенно сфокусировалось, и он встретился глазами с Шэнь Юанем.

Их взгляды встретились.

Шэнь Юань лежал на подушке, натянув одеяло до самого подбородка, и виднелось лишь его бледное чистое личико да пара влажных темных глаз.

Сицзэ посмотрел на него и на секунду замер.

Затем он резким движением выпрямился, и ножки кресла издали тихий скрежещающий звук. Он протянул руку ко лбу Шэнь Юаня, тыльная сторона ладони коснулась кожи и замерла на пару секунд.

— Жар спал. — Голос звучал слегка хрипло — той самой утренней хрипотой только что проснувшегося человека, ниже обычного, с ленивыми бархатными нотками.

Его рука не спешила отниматься, тыльная сторона ладони все еще прилегала ко лбу Шэнь Юаня, а большой палец невзначай огладил его висок.

— Как самочувствие? Голова болит?

Шэнь Юань покачал головой, голос еще не до конца вернулся к нему, звуча хрипло:

— Не болит.

— Тело все еще ломит?

— Чуть-чуть.

— А горло?

— Сухо.

Сицзэ убрал руку и встал. Он просидел так всю ночь, и ноги немного затекли, поэтому, поднимаясь, он на мгновение замер, придерживаясь за край кровати, чтобы вернуть равновесие.

Шэнь Юань заметил это, и в груди снова защемило.

— Сэр, вы совсем не спали?

— Спал, — ответил Сицзэ.

Шэнь Юань бросил взгляд на злосчастное кресло, затем на явно помятый из-за неудобной позы воротник свитера Сицзэ, но разоблачать его не стал.

— Я принесу тебе воды. — Сицзэ развернулся и вышел из спальни.

Шэнь Юань слышал звуки из кухни: зашумел кран, чашка звякнула о столешницу, а затем раздался низкий гул закипающего чайника.

Он медленно приподнялся на кровати, одеяло сползло до поясицы. Пижама слегка отсырела от пота и неприятно липла к телу, но переодеваться не хотелось, потому что от ткани всё еще исходил слабый аромат кедра.

Наверное, впитался, когда Сицзэ обнимал его прошлой ночью.

Шэнь Юань приподнял воротник пижамы и принюхался, убедившись, что запах на месте, после чего опустил воротник, а уши его покраснели.

Сицзэ вернулся, держа в руках стакан теплой воды.

— Выпей немного, смочи горло.

Шэнь Юань взял стакан, обхватив его обеими руками, и стал пить маленькими глотками. Вода была приятной температуры — не обжигающей и не ледяной, в самый раз.

Сицзэ стоял у кровати, глядя на него сверху вниз. Утренний свет пробивался сквозь щель в занавесках и падал на пушистые волосы Шэнь Юаня, окутывая его мягким ореолом.

Не удержавшись, он протянул руку и пару раз потрепал его по макушке.

— Проголодался? — спросил Сицзэ.

Шэнь Юань задумался, мотнул головой, а потом кивнул. Голода он действительно не чувствовал, но в желудке было пусто, так что перекусить стоило.

— Я сварю кашу, — сказал Сицзэ.

Шэнь Юань поднял голову, решив, что ослышался:

— Вы сварите?

— Угу.

— А вы умеете?

Сицзэ выдержал секундную паузу:

— По рецепту.

Шэнь Юань хотел сказать, что не стоит утруждать себя, но Сицзэ уже повернулся и вышел. До его слуха донеслись звуки с кухни: скрип кухонных шкафчиков, звяканье кастрюли о плиту, щелчок открывающейся и закрывающейся дверцы холодильника.

Поколебавшись, Шэнь Юань поставил стакан с водой на прикроватную тумбочку, спустился с кровати и на цыпочках направился к выходу из спальни.

Сицзэ стоял перед плитой на кухне открытой планировки.

Он снял свитер, оставшись в темно-сером лонгсливе, рукава которого были закачаны до локтей, обнажая крепкие предплечья.

Он изучал экран телефона — там была открыта кулинарная статья с заголовком: Как сварить вкусную кашу.

Шэнь Юань прислонился плечом к косяку и тихонько наблюдал.

Сицзэ высыпал рис в кастрюлю и добавил воды. Все его движения выдавали незнакомую с этим ремеслом сосредоточенность, каждый шаг выполнялся строго по инструкции. Когда он мыл рис, напор воды оказался слишком сильным, и брызги разлетелись по столешнице; он нахмурился и тщательно вытер их бумажным полотенцем.

Повернул ручку плиты, накрыл крышкой.

Затем он замер в ожидании, пока вода закипит, выпрямив спину с той же осанкой, с какой обычно заседал на советах директоров.

Шэнь Юань невольно усмехнулся, уголки его губ дрогнули.

Вода закипела, Сицзэ приподнял крышку и помешал содержимое ложкой. Мешал он неправильно — слишком размашисто, из-за чего капли каши брызнули на плиту.

Его брови сошлись еще круче, он снова всмотрелся в экран телефона, пытаясь, судя по всему, уточнить правильную технику помешивания.

Глядя на то, как этот воротила лондонского высшего света из-за желания сварить ему кашу в панике сверяется с кулинарным сайтом со смартфона в руках, Шэнь Юань вдруг почувствовал, как защипало в носу.

Он вспомнил прошлую ночь: в бреду ему чудилось, будто чья-то рука неотступно держит его за руку. Он не был уверен, сон это или реальность, но сейчас, глядя на Сицзэ на кухне, он понял — это была правда.

Этот человек действительно просидел у его постели всю ночь.

Этот человек действительно варил для него кашу.

Глаза Шэнь Юаня покраснели, в них защипало от горячих слез, которые норовили пролиться наружу.

Боясь показаться на глаза, он тихонько вернулся в спальню, сел на краешек кровати и, опустив голову, потер глаза тыльной стороной ладони.

Спустя минут двадцать Сицзэ вошел в комнату, держа в руках тарелку с кашей.

Каша была наложена в ту самую белую пиалу, которой Шэнь Юань обычно пользовался, а рядом лежала фарфоровая ложка. Тарелка была горячей, Сицзэ поддерживал ее снизу, и его пальцы слегка покраснели от жара, но на лице не дрогнул ни один мускул.

Он поставил пиалу на тумбочку и, придвинув стул, сел.

— Наверное, получилось не очень. — Сицзэ посмотрел на кашу, и в его голосе впервые проскользнуло редкое для него сомнение: — Я варю впервые.

Шэнь Юань опустил взгляд на тарелку.

Каша была белой, разваристой, рисинки полностью раскрылись, придавая блюду нежный и мягкий вид. В кашу добавили нарезанные мелким кубиком куриное мясо и грибы шиитаке; кусочки вышли немного разной формы — какие-то крупнее, какие-то мельче, но было очевидно, что их резали с большим старанием. Сверху всё это было присыпано зеленью лука — ярко и аппетитно.

Пусть не идеально, но на творение новичка это совсем не походило.

Шэнь Юань поднял пиалу, зачерпнул ложку, подул на нее и отправил в рот.

Температура каши оказалась идеальной — не обжигающей, теплой волной она скользнула по горлу, согревая изнутри до самого желудка. Рисовый аромат был насыщенным, курица свежей, а грибы — отлично размоченными. Соли положили в меру, едва заметный оттенок вкуса идеально подходил для еще не оправившегося после жара желудка.

Сицзэ следил за ним, и в его серо-голубых глазах затаилось едва уловимое напряжение.

— Ну как?

Шэнь Юань пару раз пережевал и проглотил.

Затем зачерпнул еще ложку и съел.

Потом еще одну.

Сицзэ больше не задавал вопросов, молча сидя рядом и наблюдая, как тот ложка за ложкой уплетает кашу.

На пятой ложке глаза Шэнь Юаня покраснели.

Не так, будто он вот-вот расплчется, а скорее той мягкой краснотой, когда веки постепенно розовеют, кончик носа чуть сбовеет, а губы еле заметно подрагивают.

Сицзэ заметил это, и его брови чуть шевельнулись:

— Невкусно?

Шэнь Юань замотал головой — изо всех сил замотал.

Он опустил пиалу, склонил голову и потер глаза тыльной стороной ладони.

— Дело не в том, что невкусно, — голос его звучал глухо, с сильным носовым оттенком. — Просто... слишком вкусно.

Сицзэ ничего не ответил.

— Я живу здесь уже два года, — тихо произнес Шэнь Юань, так тихо, будто говорил сам с собой. — И еще никто и никогда не варил для меня кашу.

<http://bllate.org/book/25586/3051648>